

У КИТАЙСКИХ МУСУЛЬМАН

В.С. КУЗНЕЦОВ

Доктор исторических наук

Ключевые слова: Китай, мусульмане, Китайское исламское общество

Общая тенденция к политизации ислама проявилась и в жизни многонациональной общины китайских мусульман.

В первую очередь, это касается Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), в котором в последние годы активизировались сепаратистские силы, под знаменем ислама выступающие за отделение Синьцзяна. Прежде всего - это «Исламское движение Восточного Туркестана» (ИДВТ), с которым связывают террористические акты, призывы развязать джихад, а также межэтнический конфликт в Урумчи летом 2009 г.

Внутриполитическая стабильность в Синьцзяне - предмет особых забот как центральных, так и местных властей.

В Белой книге Госсовета КНР «Национальная безопасность Китая в 2008 году» говорится, что сепаратистские силы, стремящиеся к «независимости Восточного Туркестана», представляют угрозу единству и безопасности Китая.

«Мы должны полностью осознать, что борьба с тремя силами (терроризмом, сепаратизмом и религиозным экстремизмом) - острая, сложная и **долговременная** (выделено нами - В.К.) задача, - заявил председатель правительства СУАР Нур Бекри в отчете правительства на 2-й сессии местного народного собрания¹. - Угрозы должны пресекаться в зародыше и нужно предотвращать насильственную деятельность террористов». Местное население, настаивал Бекри, должно занять **четкую позицию** (выделено нами. - В.К.) против этнического сепаратизма и незаконной деятельности

ти, осуществляемой под покровом религии»².

Все это придает особую, непреходящую остроту мусульманскому вопросу в Китае³.

В то же время следует отметить, что мусульмане проживают и в других регионах КНР, и далеко не везде среди них религиозный экстремизм находит отклик.

НА УЛИЦЕ БЫКА

Пекин. Улица Нюцзе (Быка).

Она традиционно представляла собой своего рода мусульманский анклав. Об этом несколько лет тому назад наглядно свидетельствовали протянутые через улицу полотнища с надписями «Хуэйминьская средняя школа», «Хуэйминьская читальня», вывески типа «Хуэйминьская закусочная», «Хуэйминьская чайная».

Словосочетание «хуэйминь» имеет двоякое значение. С одной стороны, это - собирательное понятие для обозначения всех мусульман. А с другой стороны - сокращенное самоназвание мусульманской народности *хуэйминь хуэйцзу*, известной еще под именем «дунгане»^{*}.

Поскольку в Китае мусульман независимо от их этнической принадлежности называют *мусульман* («мусульманин»), царившее на Нюцзе словосочетание *хуэйминь* порождало представление об особом положении этой народности здесь.

^{*} Дунгане (самоназвание - *хуэй*) - малая народность, проживающая в Нинся-Хуэйском и Синьцзян-Уйгурском автономном районах и в провинции Ганьсу (КНР), а также в Казахстане, Киргизии и Узбекистане, мусульмане-сунниты. Дунганский язык относится к китайско-тибетской языковой семье (прим. ред.).

В этот раз Нюцзе была иной. Не бросались в глаза *хуэйминьские* плакаты и вывески. Сама улица и проезжая часть стали шире и гораздо чище. На месте старых приземистых строений появились современные внушительные здания.

Но улица по-прежнему остается одним из центров *хуэйминьской* общины Пекина. *Хуэй* составляют большинство среди 250 тыс. мусульман в районе Пекина. В местах проживания их общин расположены мечети столицы - Нюцзе, Мадаин и Хуаши⁴.

О том, что находишься на Нюцзе, зрительно напоминает ее главная достопримечательность - одноименная мечеть.

Исторические записи показывают, что арабский ученый Насуртан построил мечеть Нюцзе в 996 г. Могильные камни двух иноземцев-мусульман в мечети - свидетельство ее долгой истории: Ахмед Бурдани из возникшего на территории современного Афганистана государства Газневидов и Али Имад ад-Дина из Бухары проповедовали в мечети Нюцзе и умерли в Пекине в XIII в.

Мечеть Нюцзе - предмет традиционного внимания со стороны китайского государства. В 1474 г. правитель минской династии специальным указом официально даровал ей статус *либайсы*, т.е. мечети. Таким образом, культовый центр мусульман получил государственное признание. О значимости Нюцзе особо говорилось и в указе 1694 г. властителя маньчжурской династии Цин. А правительство КНР объявило мечеть Нюцзе важным национальным историческим памятником в 1988 г.

В отличие от мечетей на

Ближнем Востоке китайские мечети, особенно в Пекине, часто строились в китайском архитектурном стиле. Например, мечеть Дунсы состоит из трех связанных между собой четырехугольников. Крыши мечетей подобны крышам китайских храмов.

В беседе со своим давним знакомым народности *хуэй* Фэн Цзиньюанем, научным сотрудником Института мировых религий Академии общественных наук Китая, я поинтересовался, не проявляется ли этническая самоидентичность мусульман при посещении мечетей:

- Допустим, если *хуэй* из собственно Китая окажется в Синьцзяне, где среди мусульман преобладают уйгуры, в какую мечеть он пойдет?

- Если там окажется мечеть, посещаемая в основном *хуэй*, - ответил Фэн Цзиньюань, - он отправится именно туда.

В ЦЕНТРЕ МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩИНЫ КНР

Если пройти прямо от мечети Нюцзе направо и завернуть за угол, то выходишь на площадь, где взору предстает величественное здание, которое венчает купол.

Здесь размещается Китайское исламское общество (КИО), организационный и руководящий центр мусульманской общины КНР. Ему подчиняются периферийные отделения общества. Раз в 5 лет проводятся общенациональные съезды мусульман, на которых избирается руководство КИО и принимается программа деятельности на очередной срок.

Встречающие меня лица проводят в приемную. По пути минуем уже знакомый по прежним визитам молельный зал. Но среди хозяев не вижу тех, с которыми встречался раньше.

За пиалой отменного зеленого чая идет непринужденная беседа.

- Сколько мусульман в Китае? - спрашиваю я у хозяев.

- Статистика - дело тонкое, - говорит мой собеседник. - Абсолютно точную цифру назвать за-

труднительно. Но, пожалуй, наиболее приемлемо можно сказать так: во втором пятилетии XXI в. численность мусульман в Китае составила около 22 млн человек.

Важность мусульманской проблемы для многонационального Китая, где исповедуются разные религии, определяется не численностью приверженцев ислама.

Цифры сами по себе не отражают всей полноты межрелигиозных отношений, не раскрывают специфики социального поведения, умонастроений людей той или иной конфессии. Для КНР проблема межрелигиозных отношений выступает как ипостась проблемы межнациональных отношений, ибо для мусульман ислам - составной элемент их самоидентификации. А это значит, что социальное поведение китайских мусульман непосредственно затрагивает проблему внутривосточной стабильности страны.

Значимость мусульманского фактора для Китая выходит за рамки чисто внутривосточной проблемы. Китайские мусульмане, будучи гражданами КНР, в то же время считают, что они принадлежат к всемирной мусульманской общине, умме.

БОГУ БОГОВО, НО ГЛАВНОЕ -
«ЛЮБИТЬ ГОСУДАРСТВО»

Она, прежде всего в лице своих ведущих деятелей, внимательно следит за положением единоверцев в Китае.

Вернемся к нашей беседе с представителями КИО.

- Некоторое время назад в зарубежных средствах массовой информации сообщалось о столкновениях в Тибете между ламаистами-тибетцами и мусульманами. Насколько это достоверно?

- Да, это действительно происходило. К сожалению, в некоторых провинциях еще имеют место межконфессиональные противоречия и конфликты. Причины их - в недостатке взаимоуважения и терпимости.

Не способствовали им и публикации в отдельных изданиях,

рассчитанных на массового читателя. В некоторых из них выразилось неуважение к обычаям мусульман. Это не могло не вызывать их недовольства.

Несколько лет тому назад, вспомнилось мне, одно из провинциальных издательств выпустило на китайском языке книгу «Сексуальные обычаи мусульман». Она получила скандальную известность и вызвала повсеместные протесты мусульман.

И, судя по словам моих собеседников, оскорбления религиозных чувств не проходят бесследно.

- Поддерживаете ли Вы контакты с мусульманами Индии?

- Да. К примеру, нашим гостем был мусульманин-профессор Раббани - хорошо известный ученый в области исламского богословия. Его работы изучают студенты наших богословских учебных заведений. Правда, по степени интенсивности связей у нас на первом месте Пакистан, а не Индия. В частности, мусульмане из КНР обучаются в исламском университете в Пакистане.

КАК «ПЕРЕКОВАТЬ» ИМАМОВ*

Приснопамятная «культурная революция» с ее гонениями на ре-

лигию прервала процесс подготовки служителей культа, в том числе мусульманских. Для восполнения нехватки в 80-х гг. готовить их стали в мечетях и в специально созданных исламских богословских учебных заведениях. Такие заведения в последнее время, рассказывают функционеры КИО, появились и на местах.

Ряды духовных лиц помолодели. К примеру, в 2008 г. в Пекине среди 140 имамов было всего лишь несколько человек старше 70 лет, большинство же значительно младше - в возрасте от 20 до 40 лет⁵.

* Имам - священнослужитель (предстоятель на молитве, духовный руководитель, глава мусульманской общины).

Имаму мечети Дунсы Лю Кэцзе, заместителю председателя Исламского общества Пекина, 40 с лишним лет. После «культурной революции» он стал в 1987 г. одним из первых выпускников Пекинского исламского института.

«В отличие от старых имамов, - говорит Лю, - которые получили традиционное исламское образование в мечети, нынешние молодые имамы, в основном, - выпускники официальных исламских институтов. Мы, возможно, не так сведущи в религиозных изысканиях в сравнении со старшим поколением, но обычно в наших молитвах мы шире смотрим на мир и больше отвечаем требованиям современной жизни».

За последние годы претерпела принципиальные изменения и давняя традиция религиозного образования у уйгуров, у которых духовное лицо-*ахун* сам выбирал учеников. Теперь «самозванцам»-*ахунам* в Синьцзян-Уйгурском автономном районе нет места, право набирать учеников имеют только проверенные кадры, работающие политически и духовно над собой и признанные правительством⁶.

Первейшее требование властей к священнослужителям любой конфессии - это *ай го*, т.е. «любить государство» - КНР.

Помимо чисто религиозных дел, духовенство в Синьцзяне борется за оздоровление быта.

Так, священнослужители участвуют в реализации проектов по профилактике и лечению СПИДа, проводимых с 2008 г. комиссией по этническим и религиозным делам Синьцзяна совместно с Австралией. Комиссия заявила, что в 2008 г. почти 10 тыс. имамов в районе с преобладающим мусульманским населением прошли курс обучения по профилактике и лечению этой болезни и поделились своими познаниями в этой области с 4 млн человек в Синьцзяне. Имамы в Кашгаре, Хотане, Аксу, Кызыл-су и Турфане во время пятничных молитв регулярно проповедуют меры по предотвращению заражения СПИДом.

«Ислам выступает решитель-

но против проституции и употребления наркотиков - основных причин заражения СПИДом в Синьцзяне. Я часто советую верующим избегать вещей, которые могут навредить им и другим, - продолжает Абдураззак Мухаммад, 35-летний имам из селения Тусалла (Хотан). - К тому же, согласно Корану, мы должны пытаться сделать все возможное, чтобы помочь другим людям, включая инфицированных этой болезнью». Поскольку многие не могут пойти в мечеть, чтобы помолиться, говорит Абдураззак, *ахун* использует для просвещения о недуге «и похороны, и свадьбы».

«Я ничего не знал о СПИДе, кроме того, что он убивает, до тех пор, пока в прошлом году не прошел подготовку, - соглашается Абдураззак. - Но теперь я имею ясное представление о всех аспектах болезни и думаю, что могу помочь людям разобраться в них».

«Имамы чрезвычайно влиятельны в Синьцзяне. Когда они говорят о СПИДе, проповедуя ислам, это оказывает гораздо более сильное воздействие, чем наши усилия по распространению знаний об этой страшной болезни», - отметил Ся Лисин, директор управления по предотвращению венерических заболеваний и СПИДа в центре по контролю за болезнями и их предотвращению в г. Хотане (СУАР).

В Хотане 34-летний наркоман, год назад переставший употреблять наркотики, сказал, что слова имама помогли ему осознать губительное действие наркотиков и опасность СПИДа: «Я не слишком слушался своих родителей, но, конечно, я прислушался к имаму».

Хадж китайское правительство рассматривает не как личное дело, а как мероприятие государственной значимости.

Об этом свидетельствуют «Правила относительно религиозных дел» и совместное «Уведомление управления по делам религий при Госсовете КНР, министерства иностранных дел и министерства общественной бе-

зопасности». Руководствуясь ими, Китайское исламское общество обнародовало специальное постановление относительно паломничества в 2008 г. В нем указывается, что паломники должны быть физически здоровыми, любить свое отечество, любить свою веру, быть законопослушными, иметь достаточно средств для совершения хаджа.

- Дело это недешевое, - сказали мне в ИОК - Дорога на одного человека обходится в 22 тыс. юаней. К этому нужно еще добавить расходы на проживание и т.п. Но на расходы не скупятся. Число паломников из Китая в святые места на Аравийском полуострове из года в год растет.

Паломничество за рубеж - не единственное средство духовного общения мусульман Китая с единосверцами других стран. Между ними существуют устойчивые контакты в сфере культуры. Показательно, например, что *хуэй* Са Цзинлян из г. Синин (в провинции Цинхай на западе центральной части КНР) удостоился награды на 34-м Международном состязании чтецов Корана, проходившем в Малайзии.

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

При общении с мусульманами в разных странах, когда заходила речь о рождении или смерти ребенка, нередко доводилось слышать: «Бог дал, бог взял». Словом, появление потомства - промысл Всевышнего. Как же это сочетается с политикой китайского государства: «одна семья - один ребенок»? Ведь в свое время некоторые *ахуны* в Нинся-Хуэйском автономном районе личным примером пропагандировали политику «одна семья - один ребенок».

- Сейчас, - отвечают мне, - положение иное. На Юго-Западе, Северо-Западе, где проживают мусульмане, разрешается иметь 2-3 детей.

Регулирование рождаемости противоречит традиционному менталитету мусульман, ибо, согласно исламским представлениям и обычаям, дети - «дар бо-

жий». Чтобы обойти запреты государства, люди могли прибегнуть к обычному праву - неписаным правилам поведения⁸.

Илдико Беллер-Хан Как рассказал, как это происходило на практике у уйгуров СУАР.

До введения принудительного планирования семьи в Синьцзяне уйгуры часто возражали, чтобы их жены соблюдали обычай рожать детей в доме своих родителей. Теперь не возражают, особенно если родители проживают в другом административном районе. Так легче скрыть и беременность, и рождение ребенка, и его воспитание в младенческом возрасте. Эти «внеплановые» дети могут быть зарегистрированы детьми бездетного брата или сестры⁹.

У МОГИЛЫ МЯТЕЖНИКА

Северо-Западная провинция Ганьсу неоднородна в национально-религиозном отношении, здесь, в частности, находится один из районов компактного расселения мусульман.

Это сразу бросилось в глаза уже в аэропорту столицы провинции Ланьчжоу, куда прибыл наш самолет из Пекина. Среди пассажиров в аэропорту выделялась державшаяся вместе кучка людей в белых шапочках и длиннополой одежде. Это были *хуэйминь*.

У шоссе, связывающего аэропорт с городом, виднелись кубические сооружения из камня с полусферическим куполом. Это был *мазар*, мусульманское кладбище. Гробницами, в нашем смысле слова, эти сооружения не назовешь: мусульмане не кладут в гроб. Нагим приходит человек в мир - почти нагим, завернутым в саван, и уходит.

Из мусульманских святынь в Ланьчжоу наиболее почитаемое место захоронения Ма Минсиня*, одноименный *гунбэй*, надмогильное сооружение.

Гунбэй (надмогильное сооружение) размещен в жилом райо-

* Ма Минсинь (1719-1781) - основатель секты «Синьцзян» («Новое учение»). Гонения властей привели к мятежу членов секты, в котором Ма Минсинь погиб.

не. Восемь колонн подняли ввысь купол с полумесяцем на стержне. Под куполом - черного мрамора стела с арабской вязью. С обеих сторон кусты роз. Надпись арабскими письменами воспроизводит строки из Корана.

Появился смотритель *гунбэя ахун* Ма Шишань. На нем светло-серая, на все пуговицы застегнутая одежда, вроде армяка. На голове - белая шапочка. Телом сух, держится прямо, несмотря на свои 85 лет, редкая борода.

Бытует мнение, что тело Ма Минсиня, погибшего в схватке с правительственными войсками, не было найдено. А земле предали его вещи. Над ними и возвели *гунбэй*.

Просветить меня на сей счет попросил *ахуна*.

- Здесь останки самого Ма Минсиня, - заверил Ма Шишань.

- А в годы «культурной революции» здесь ничего не случилось?

- *Гунбэй* пострадал до «культурной революции», в 1958 году.

Сейчас стараниями единоверцев следы ущерба не видны.

Память о Ма Минсине, говорит *ахун*, чтят не только местные мусульмане. Могилу его посещают мусульмане из-за рубежа.

Мое внимание привлек боковой придел *гунбэя*.

- Это - молитвенный зал. Сюда приходят на пятничную молитву.

- И много бывает людей?

- Человек 200.

Конечно, это несравнимо с тем, сколько собирается в зале величественной Большой мечети Сигуань, самой большой в Ланьчжоу. Купол мечети Сигуань словно облит жидким золотом.

Громадное здание с минаретом, купол со шпилем, увенчанным полумесяцем, горделиво возвышаются над окружающими строениями. Все это - наглядное олицетворение религиозного рвения местных мусульман. А о том, что они не только члены всемирной мусульманской общины, уммы, но и прежде всего граждане КНР, напоминает сентенция председателя КНР Ху Цзиньтао об обязанностях граждан КНР, воспроизведенная на одной из

стен во дворе мечети. В ней говорится о правилах поведения мусульман как граждан КНР.

Об особенностях их быта наглядное представление дает лавка в боковом приделе мечети. В ней продаются и ритуальные принадлежности, и хозяйственная утварь. Словом, и для души, и для тела. В окрестностях Ланьчжоу разводят особую породу баранов. Их мясо закупают арабские посольства в Пекине.

Ланьчжоу славится похлебкой из говядины с лапшой *нюжоумянь*. Ее готовят только в одном ресторане, секрет приготовления - семейная тайна, которая передается от отца к сыну. Популярности ресторана добавил своим посещением Цзян Цзэминь в бытность свою председателем КНР.

* * *

В меняющуюся картину жизни Китая свой неповторимый вклад вносят все населяющие его народы, независимо от их численности. Обыденное сознание и общественное поведение того или иного этноса нередко складывается под воздействием не официальных установок государства, а религии. И мусульмане как этнорелигиозная общность в этом отношении не составляют исключения.

¹ China daily, January 8, 2009.

² *Mu Qian*. A call to prayer at Beijing's mosques // China daily, August 15, 2008.

³ *Кузнецов В.* Может ли в Китае появиться своя Чечня? // Азия и Африка сегодня, 2001, № 5.

⁴ *Mu Qian*. Op. cit.

⁵ *Хэ Пун*. Синьцзян диной мусульинь шэхуэй синь ли ды шоучжэн фэньчжэ бао гао (Анализ умонастроений мусульман в Синьцзяне) // Шицзу цзунцзяо яньцзю (Изыскания в области мировых религий), 2008, № 4, с. 106.

⁶ *Mu Qian*. Prayers help fight deadly disease. // China daily, January 20, 2009.

⁷ Чжунго мусульинь (Мусульмане Китая). 2008, № 2, с. 7.

⁸ *Uldico Beller-Hann*. Customary law under socialism: the Uyghur Xinjiang // IAS newsletter, July 2004, p. 18.

⁹ *Ibidem*.